

УДК 101.1:37

И. Б. Романенко

Гуманизация образования и проблема дефицита молодежных ценностей

В статье рассматриваются возможности преодоления дефицита молодежных ценностей в условиях развития современного образования. Автор анализирует природу гуманитарности и социальности, уточняя предметное поле социогуманитарного познания, а также специфику восприятия мира современным человеком.

Ключевые слова: гуманизация образования, ценности, молодежная культура, гуманитарные науки, социальные науки, социокультурная идентичность, инфантилизация общества, новые формы дефицита.

Социогуманитарное знание в его современном состоянии является внутренне глубоко дифференцированным и специализированным. В целом осознавая и учитывая данное обстоятельство, нам все же придется несколько отвлечься от его дифференциации и специализации и уточнить специфику и природу социогуманитарной рациональности, так как особенности последней, несомненно, сказываются на методологии и технологиях преподавания дисциплин, относящихся к данному профилю.

В определении предмета социогуманитарного знания, как правило, исходят из этимологии, учитывая исторические и культурные корни данного понятия. В определении смысла обозначенного понятия мы должны учитывать значения латинских слов:

- *societas* (общность, общее, связь, союз, сообщество, товарищество, объединение, коалиция и др.);
- *socio* (соединять, объединять, приобщать, сочетать и др.);
- *socius* (общий совместный, союзный и др.);
- *humanitas* (человеческая природа, человеколюбие, гуманность, доброта, человеческое достоинство, образованность, духовная культура, изящество манер, изысканность речи, учтивость, человеческий род, человечество и др.).

Ряд приведенных значений базовых понятий проливает свет на природу социальности и гуманитарности как имеющих отношение к человечеству, общественному бытию, сознанию, нравственному существованию [1, с. 193]. Но все же нам предстоит уточнить предметное поле социогуманитарного знания, его специфический ракурс в отношении к человеку. Социальные науки рассматривают человека в его отношениях к социальным институтам, процессам, группам, общностям, рассматриваемым в их связи с общественным целым. Гуманитарные науки — это науки о человеке и его специфике.

В этой связи М. М. Бахтин в статье «К методологии гуманитарных наук» уточняет, что последняя как раз состоит в том, что человек всегда выражает себя, говорит, объясняет, спорит и т.п., т.е. создает текст, реальный или потенциальный. Там, где человек изучается вне текста или контекста и независимо от них, там заканчивается сфера гуманитарного знания и начинается сфера естественного или технического [2, с. 285].

Текст понимается М. М. Бахтиным предельно широко — как лингвистический, исторический, философский, психологический, педагогический. Человеческий поступок рассматривается им как потенциальный текст (а не только физическое действие) в диалогическом контексте своего времени, т.е. как реплика, смысловая позиция, система мотивов и т.д. [2, с. 106]. Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, манифестациях, выражениях, знаках, за которыми всегда стоят люди. Предмет гуманитарных наук — это «выразительное и говорящее бытие», неисчерпаемое в своем

© Романенко И. Б., 2013

смысле и значении. С данной точки зрения подлинное понимание всегда *исторично и персонифицировано*.

Другой философ — М. Фуко в статье «Слова и вещи: археология гуманитарных наук» отмечает другое обстоятельство: социогуманитарные науки обращаются к человеку постольку, поскольку он *живет, говорит, производит*, т.е. обращение труда, жизни, языка к самим себе предрекло появление новой области знания [15, с. 370]. Но человек — это не только эмпирическое, но и *трансцендентальное существо*, чья мысль постоянно связана с немислимым и выходит за пределы его чувственности и биологического существования, что и придает социогуманитарным наукам их специфику.

Человек в контексте данных наук изучается не с точки зрения его физиологии, но как существо *думающее, представляющее*, выдающее разнообразные материальные, интеллектуальные и духовные продукты. Определяя положение социогуманитарных наук по отношению к другим наукам, можно сказать, что они располагаются рядом с науками, которые ставят вопрос о жизни, труде, языке, и вступают с ними в разнообразные отношения.

Далее попробуем прояснить еще один немаловажный момент: почему одни науки относят к социальным, а другие — к гуманитарным. В. Г. Федотова в статье «Социогуманитарная наука и развитие общества» обосновывает, что данное разделение осуществляется не по предмету или методу, а на основе выбора исследовательской программы:

- в социальных науках (экономика, социология, психология, менеджмент и др.), как правило, используется *натуралистическая* исследовательская программа, ориентированная на объективированную схему познания, т.е. на модель объяснения и поиска закономерностей;

- в гуманитарных науках (филология, философия, культурология, педагогика и др.) применяется *культур-центристская* программа, которая, напротив, субъективирует изучаемый процесс, выявляя его смысложизненные характеристики, используя модель понимания [14, с. 4—5].

Такое представление специфики социальности и гуманитарности вовсе не предполагает проведения строгой демаркационной линии между гуманитарными и социальными науками. Так, например, экономические дисциплины строятся как социальные, которые имеют некоторое методологическое сходство с естественными науками, преследующими цель раскрыть объективные стороны экономического процесса. Но поиск объективных закономерностей не всегда является доминирующим в социальном познании.

Часто ученым приходится принимать во внимание мотивы деятельности людей, далекие от стремления к выгоде, накопительству, поиску оптимальных решений. В социальных науках все чаще приходится учитывать так называемый «человеческий фактор», т.е. изменчивость и непредсказуемость мотивов экономического и социального поведения.

Философия призвана ответить на ряд последовательно поставленных вопросов: что такое человек (буквально: существо человеческое)? Каковы были представления о человеке и способы культивирования «человеческого» в различные исторические эпохи? Какие были выработаны механизмы становления личности и индивидуальности? Каковы проблематические горизонты и ракурсы философских технологий культивирования личности в современную эпоху? Каковы составляющие личностно мотивированного отношения к миру?

Попытка прояснения вышеставленных вопросов позволит преодолеть ситуацию озабоченности, на которую обращает внимание Э. Тоффлер: «Миллионы проходят через образовательную систему, не будучи ни разу принужденными исследовать противоречия в их собственных системах ценностей, глубоко исследовать свои собственные жизнен-

ные цели или даже обсудить эти материи откровенно со взрослыми и сверстниками» [13, с. 340]. Ответом на сформулированные затруднения может быть наш российский опыт по преподаванию в системе высшей школы своей отечественной философии.

Глубокая укорененность ценностной проблематики в русской философии и литературе облегчает решение проблемы нравственного воспитания, но не исчерпывает ее. Как показывает исторический опыт, наиболее эффективными в методах своего воздействия на нравственное сознание и душу индивида являются *церковь и семья*, наиболее индивидуальные в способах своего воздействия на человека, выработавшие эффективные методы поддержания нравственности — *исповедь и интимный разговор «по душам»* [10, с. 68]. К сожалению, аналоги этих методов трудно сконструировать и внедрить в систему образования. Но как показывает опыт многих преподавателей философии, наиболее откровенные и душевные обсуждения вопросов нравственности, человеческих ценностей, смысла жизни велись на занятиях именно по русской философии.

Мир, в котором обитает человек, должен удерживаться в его голове мыслью, словом, намерением, а уже затем оборачиваться вторичной рефлексией в поступке. Человек онтологически открыт переживанию реальности. Мир изначально присутствует в нем в качестве способности восприятия, чувства, мысли, действия как «трансцендентальных предпосылок» человеческого бытия. Познавая мир (и социум в том числе), человек познает то, что оказывается одновременно имманентно и трансцендентно ему («подобное познается подобным»).

В целом для человека естественно состояние «открытости сознания», что в эпоху уже состоявшегося индивидуализма и «надвигающегося аутизма» воспринимается как вещь не совсем очевидная и скорее сомнительная. Т. Н. Горичева обращает внимание на последнее обстоятельство как на одну из важнейших проблем западного мира. «Аутизм — замкнутость человека на себя и индифферентность к окружающей жизни, возникающие под влиянием цивилизации. Это действительно серьезная психологическая и духовная проблема. Это какие-то врожденные, патологические уныние и самодостаточность. Мутации становятся заметны даже на физиологическом уровне — атрофируются чувства: человек не ощущает оттенков вкуса пищи, не обращает внимания на запахи, слух перестает отмечать звуки — таким образом тело реагирует на чужеродность всего образа жизни. И так с самого младенчества.

Детские врачи и психологи на Западе бьют тревогу по поводу участившихся случаев аутизма у новорожденных детей: ребенок не имеет интереса к жизни, он отказывается сосать грудь, он не чувствует прикосновения матери, он не радуется при ее появлении и ласке» [8, с. 404—405]. В данном разделе нас будут интересовать проявления описанного феномена, возникающие под влиянием цивилизационных процессов. Отмеченная социальная патология прямо отражается на жизни современной семьи, ее жизнеспособности, структуре.

Даже очень беглый курс истории философии вполне убедительно продемонстрирует, что человек в различные исторические эпохи воспринимал мир по-разному (космоцентризм, геоцентризм, антропоцентризм) [11, с. 286—287]. Восприятие мира современным человеком связано с двойным усложнением. Возросла не только техническая мощь цивилизации, способная многократно разрушить современный мир и привести его к непоправимой катастрофе, но и интеллектуальная гибкость, пластичность, изощренность человеческого разума. В силу произошедших в последнее столетие изменений мир стал восприниматься цивилизованным человечеством как многообразие проектов, возможных картин, подходов и методов его обустройства и переустройства [6, с. 106; 4, с. 240].

Лишь слабым воспоминанием, отголоском эпох, «пережитком прошлого» стало стремление обладания абсолютным знанием с соответствующей системой критериев и специфических технологий, направленных на охват необъятных горизонтов сущего. Радикально изменились познавательные приоритеты: главной задачей теперь стало не только зафиксировать, описать, измерить и проверить экспериментально, но и создать нечто новое, не столько естественное для человека, сколько порой противоестественное его существу (синтетические продукты, материалы и т.п.).

В современном мире человек присутствует во многих лицах и контекстах: гражданин, профессионал-специалист, представитель конфессии, член семьи, политической организации, спортивного клуба и т.п. В одной из ночных телевизионных передач обсуждалась проблема различия понятий *молодежная культура* и *культура молодежи*. Авторы пришли к заключению, что молодежная культура — это подкультура, то, что составляет досуг соответствующей возрастной прослойки социума, в целом группы открытой, необходимой для его нормального функционирования.

Система взаимоотношения общества и молодежи сводится к тому, что общество культивирует определенный тип молодого человека, одновременно сама молодежь определяет перспективы развития социума и является его социальным ресурсом. Если, условно говоря, взрослая культура связана с накоплением знаний, ценностей, идеалов и т.п., то молодежная культура в значительной степени тяготеет к разрушению, отвержению, ниспровержению и т.п., поскольку ни к чему другому еще не готова.

В то время как культура молодежи (перестановка слагаемых, приводящая к рождению новых смыслов) — это качественный показатель уровня развитости: это жизненный багаж молодого человека, то, с чем он вступает в жизнь, устраивается на работу, поступает в университет, идет на службу в армию и т.п. Чтобы стать личностью, надо много знать, много читать, думать... Это трудно, требует значительных усилий и напряжения.

Данную особенность обретения культуры когда-то подметил Б. Пастернак, заметив, что «культура первому встречному в объятия не бросается» и обретение ее — это тяжкий труд, в этом состоит аристократизм культуры. Но недооцененным является то обстоятельство, что именно культура делает человека защищенным.

Культурный человек является «аристократом духа», к нему и грязь не прилипает даже тогда, когда жить приходится в ее окружении. Важно то, к чему стремится человек и какие координаты ставит. В дискуссии на одной из проводимых в прошлые годы международных конференций («Ребенок в современном мире», Санкт-Петербург) один из коллег заметил: «Нельзя возводить утробное, гастрономическое существование в ранг нормы только потому, что это приятно» (А. А. Корольков).

Инфантилизация проходит на фоне того, что у значительной части молодых людей нет серьезных интересов к учебе, окружающей жизни, литературе, будущей профессии и т.п. Отсюда желание развлекаться, чтобы хоть как-то заполнить время или просто «убить время». При отсутствии интереса к учебе, к собственной истории, отсутствию авторитета родителей остается только один источник доверия и информации — это Интернет (преимущественно общение в социальных сетях) и телевидение. И то, и другое выступает достаточно бесцельным времяпрепровождением.

В данной связи недооценивается экзистенциальная сущность и ценность времени для современного человека. Стоимость как измерение жизненных средств, проявляющееся при обмене, позволяет нам сравнивать вещи между собой. Но за вещь мы расплачиваемся не только деньгами, но и собственным временем. Время имеет отношение к «экзистенциальной экономике» и пространству реализованных возможностей. С этой точки зрения участие в культурном мероприятии (просмотр фильма, спектакля и т.п.)

измеряется не ценой билета, а потраченным временем и упущенными жизненными возможностями [12, с. 15].

Смысл человеческого существования в перспективе обретения и сохранения подлинной человечности состоит в том, чтобы не только открыть в себе вертикаль, но и удерживать ее в различных состояниях и модусах повседневного бытия и со-бытия. Известно, что «цивилизации гибнут от извращения основных добродетелей» (В. В. Розанов).

Исторически сложилось, что жизнь в России представляет собой существование в режиме предельного усилия, доходящего до самоотвержения, на пределе возможностей, сил и нервов, вечного и необъяснимого терпения, понимания (в смысле принятия) и покаяния:

- В. В. Библихин говорит о том, что «пока в народе есть способность слышать правду, он несет на себе всю ношу истории, иначе не несет никакую, отдает другим. Когда ноша кончится, прекратится и национальная мысль, и национальная литература и национальный язык, все разойдется по домам...»;

- В. Соловьев мерит задачи России задачами мира: «...человеческое существо не может расти иначе как корнями вверх, в высоком разветвляясь; только тогда оно пустит земные корни... Человек нуждается во всем только среди нищеты самообеспечения, а когда отдает все, то делается по-настоящему богат» [3, с. 217—219]. Сохранить и преумножить духовность («сокровища духа») можно, только тратя. Так же как и свободу обрести можно, только пользуясь ею.

Одним из признаков глобализации является существенное упрощение способов идентификации молодого человека: это может происходить по принципу принадлежности к армии болельщиков определенного футбольного или баскетбольного клуба, ролевой «тусовке» или любителей экстремального отдыха, почитания творчества «рок-звезды», популярного писателя и т.п. Отмеченные пути самоидентификации относятся к внешним и поверхностным способам укоренения человека в реальности.

Безусловно, существуют и более глубокие, фундаментальные пути отыскания и утверждения собственного Я, которые, по существу, относятся к философским даже тогда, когда человек обращается к ним в обыденной жизни. Один из путей обнаружения своего Я связан с осознанием и испытанием *ощущения собственной смертности* как некоего измерения человеческой жизни, на фоне которого жизнь перестает казаться чем-то аморфным и неопределенным, чередой событий, побед и поражений («пограничная ситуация»).

Данное испытание помогает человеку удержаться в реальности, заново проектируя ее обретенным жизненным опытом. Эта сторона жизни была детально исследована в русской и западноевропейской традиции экзистенциализма (Н. Бердяев, Л. Шестов, М. Хайдеггер, А. Камю, Ж.-П. Сартр и др.). Ничуть не подменяя собой религию, философия призвана своими технологическими приемами и средствами обратить человека к трансцендентальному.

Являясь одним из способов укоренения в реальности, философия столь же эффективно должна справляться и с проблемой адаптации человека в повседневности, что на первый взгляд кажется делом совершенно противоположным обращенности индивида к запредельным основам бытия. Повседневность мы понимаем как мир вещей, отношений, событий, идей и т.п., ежедневно окружающих человека со всех сторон, монотонно повторяющейся инерции будничной жизни, которой чужд экзистенциальный страх, трепет, волнение и т.п., но присутствует постоянный круг обязанностей, поручений, ежедневник с пополняющимся перечнем дел на ближайшую перспективу, электронная почта, сводки новостей и т.п.

Стремительность жизни, загруженность современного человека второстепенными делами, дефицит свободного времени являются наследием, доставшимся современному человечеству от «стремительно растущей цивилизации» и технического прогресса второй половины XIX века. В этом смысле является показательным название пьесы Л. Хольберга «Обремененный делами» (русский перевод названия) о трагедии современного человека, загруженного малозначительными мелочами, не способного довести до конца ни одного серьезного дела. Т. Х. Эриксен видит причину такого положения вещей в том, что, «не имея времени на паузы и остановки, человек лишается необходимой отстраненности от своих действий и общего представления о ситуации в целом. Он тонет в деталях и теряет перспективу» [16, с. 76]. И в этом круговороте неотложных дел философия предоставляет вполне четкие ориентиры выстраивания перспективы, определения приоритетов, организации деятельности с учетом ее ценности, целесообразности и возможных последствий.

В условиях постиндустриального общества с лавинообразным ростом информации человек сталкивается с необходимостью профессионального отбора нужной и полезной информации, а также отсеивания малозначительной и устаревшей. Образованный человек должен уметь анализировать и контролировать поток информации. Острая потребность в отборе информации определена ускоряющимся темпом жизни: за короткую человеческую жизнь надо овладеть хоть чем-то основательно.

Погоня за всем может оказаться ничем и, как правило, приводит к все более усиливающемуся чувству загнанности. В то время как самое важное и значительное (написание или прочтение книги, работа над диссертацией, поездка к родителям или друзьям и т.п.) отодвигается на второй план («до лучших времен»), оказываясь заслоненным вещами второстепенными по значимости, но срочными по необходимости исполнения в срок.

Согласимся с Т. Х. Эриксоном, который к новым формам дефицита отнес:

- неспешный ход времени;
- уверенность в завтрашнем дне;
- предсказуемость;
- осознание своей принадлежности к общности и понимание, кто ты в этом мире;
- обоснованность, понимание и связность;
- чистоту окружающей среды;
- кумулятивный, линейный, органический рост;
- истинные переживания (не иронические и не спровоцированные средствами массовой информации) [16, с. 45].

Предложенный перечень проблем не нуждается в опровержении и оспаривании, являясь серьезным предостережением той части современного человечества, которая увлеклась созданием и конструированием вещей и технологий, создающих опасности для его существования.

А. И. Герцен в публицистике 60-х годов XIX века обращает внимание на то, что, приезжая на Запад, мы видим следы глубоко укоренившейся цивилизации: «личность независимее, образование шире, потребности развитее» [5, с. 285], а также вполне развитое гражданское сознание (имея в виду политическую и юридическую искушенность, идею права, противостоящую российскому произволу и безответному молчанию). Мыслитель обращает внимание на то, что в России идея права и вовсе отсутствует и смешивается с признанием силы или совершившегося факта, закон имеет только смысл запрета, сделанного властью имущими.

Анализируя культурно-антропологические основания ментальных проблем человека в современной России, С. В. Масловская выделяет необходимые доминанты жизнеспособности человека:

- опора на правовой статус;
- включение в процессы культурной идентификации;
- обеспечение целостности телесно-душевно-духовной организации;
- выдвигание свободы как главной характеристики человека;
- многообразие возможностей человека, которые реализуют самостоятельность субъекта в выборе стратегий своего развития в культуре [9, с. 74].

Отметим, что и современное государство российское не заинтересовано в развитии гуманитарных наук, потому что не заинтересовано в развитии гражданского сознания. Поскольку гуманитарные науки и гражданское сознание связаны напрямую, без каких-либо опосредований. Гуманитарные науки исторически учили очень важным вещам, необходимым для развития гражданского общества: мыслить, думать о настоящем, прошлом и будущем, т.е. мыслить актуально, обсуждать, аргументировать, полемизировать, вести диалог, слушать.

Современное состояние дел в этой области, к сожалению, печально. Государство, отказывая гуманитарным наукам в достойном финансировании, обрекает гуманитариев на то, чтобы они были недоучками, некомпетентными, чтобы своими науками они занимались урывками, «от времени к времени», бегая по различным работам, а не занимаясь сосредоточенно в библиотеке, архиве, рабочем кабинете, лаборатории и т.д. В гуманитарных науках, к сожалению, все складывается так, чтобы настоящую научную работу, профессионализм свести на уровень хобби как приятного времяпрепровождения.

Исследование поддержано грантом РФФИ № 13-06-00775 «Тинэйджерсы в обществе риска: социокультурная аналитика идентификации и самоидентификации».

Список использованной литературы

1. Барсукова Е. Н., Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантропологический подход // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 4 (25). С. 193—197.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 421 с.
3. Биbihин В. В. Другое начало. СПб. : Наука, 2003. 430 с.
4. Воронов А. М., Горбунова И. Б., Камелис А., Романенко Л. Ю. Музыкально-компьютерные технологии в школе цифрового века // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. № 5. С. 240—246.
5. Герцен А. И. Русские немцы и немецкие русские // Соч. : в 9 т. М. : Гослитиздат, 1958. Т. 7. С. 263—309.
6. Гончарко Д. Н. Кризис репрезентации в этике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, 2009. Т. 1, № 3. С. 106—112.
7. Гончарко О. Ю. Диалог и псевдиалог как форма изложения аристотелевской логики в Византии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, вып. 3. С. 224—230.
8. Горичева Т. Только в России есть весна!: О трагедии современного Запада: Дневники: 1980—2003. М. : Русский Хронограф, 2006. 462 с.
9. Масловская С. В. Культурно-антропологическая идея модернизации современного дополнительного профессионального образования педагога // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2013. № 2.
10. Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и духовно-нравственное воспитание (размышления о статье Д. К. Бурлаки «Духовно-фундированное образование в постсекулярном пространстве») // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, вып. 2. С. 65—72.
11. Романенко И. Б. Образовательные парадигмы в истории античной и средневековой философии. СПб. : Изд-во РХГИ, 2002. 308 с.
12. Романенко Ю. М. Захваченность событием // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. № 2. С. 13—24.
13. Тоффлер Э. Футурошок. СПб. : Лань, 1997. 426 с.
14. Федотова В. Г. Социогуманитарная наука и развитие общества // Материалы международной конференции «Логика, методология, философия науки». Обнинск, 1995. С. 3—14.

15. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 405 с.
16. Эриксен Т. Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М. : Весь мир, 2003. 321 с.

Поступила в редакцию 15.11.2013 г.

Романенко Инна Борисовна, доктор философских наук, профессор
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, Российская Федерация, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48
E-mail: in_romanenko@rambler.ru

UDC 101.1:37

I. B. Romanenko

Humanization of education and the deficit of the youth values

The article discusses the possibility of overcoming the youth values deficit within the development of modern education. The author analyzes the nature of humanities and social sciences specifying the subject field of socio-humanitarian knowledge as well as the world perception of a modern man.

Key words: humanization of education, values, youth culture, humanities, social sciences, socio-cultural identity, infantilization of society, new forms of deficit.

Romanenko Inna Borisovna, Doctor of Philosophy, Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
191186, Russian Federation, St. Petersburg, Moika, 48
E-mail: in_romanenko@rambler.ru